

ЭМИЛИЯ

Поселок Безымянный



Эмилия О.
Поселок Безымянный

«Автор»

2026

О. Э.

Поселок Безымянный / Э. О. — «Автор», 2026

История, наполненная теплыми воспоминаниями из детства. Попытки вернуться в тот необычный мир, который исчез навсегда.

Содержание

Глава 1. Конец мая.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Эмилия О. Поселок Безымянный

Глава 1. Конец мая.

Неприятный сквозняк в полутемном ресторанчике, который я про себя называла «Склеп» - уровень освещенности и уюта там примерно такой же – вот что окончательно убедило меня в необходимости временного переезда в Безымянный. До чего ж странное заведение, думаю я. Возможно ли вообще наесться в такой темноте? Обстановка здесь просто идеальна для переедания – легко съесть огромную порцию, когда ее почти не видишь.

Лениво ковыряю высохший торт, почему-то отдающий картонной упаковкой. С трудом удерживаю вилку в руке, ведь после приступа мигрени чувствуешь себя так, словно по тебе пару раз проехался товарный состав. Настроение соответствующе паршивое - впрочем, как и всегда в такие периоды, и сейчас очень хочется бессмысленно поскандалить с администратором из-за черствого торта. Стараюсь глубоко вдохнуть и выдохнуть, провожу несколько раз языком по нёбу, и раздражение очень медленно уходит. Хоть в моей работе без неисчерпаемых запасов терпения невозможно долго продержаться, но порой так тянет выплеснуть подальше от себя усталость, словно ведро помоев на улицы средневекового Лондона - не думая о чистоте одежды случайных прохожих, что некстати оказались рядом. Отчего-то собственный неказистый образ в богатом парчовом платье и - почему-то - крестьянском белом чепце на голове неожиданно рассмешил так, что я не смогла сдержать тихий смешок.

Всё же дешевый вздорный спектакль - не мой стиль, да и взгляд на осунувшееся маленькое личико девчонки-бариста окончательно отбил желание конфликтовать с кем бы то ни было. Быстро встаю, с грохотом проехав по полу ножками стула под быстрым обстрелом недовольными взглядами, расплачиваюсь и несколько секунд стою у входной двери под кондиционером, набираясь смелости выйти в жаркий вечер.

Конец мая, липкая духота на пыльных улицах и вездесущее солнце, больше похожее на раскаленную спортивную гирию - настолько ощутимо оно давит на голову и глаза. Если забудешь дома солнцезащитные очки, то духота будет ощущаться еще сильнее, к тому же, прибавится резь в глазах. Даже ночью нет отдыха - ворочаться поверх одеяла, непрерывно потеть и пытаться найти удобное положение, чтобы легче дышалось.

Наверное, все дело не только в погоде, но и в Графе – парализованном после инсульта старике, за которым я ухаживала весь этот год. Он умер на прошлой неделе – организм давно и постепенно выключал все свои системы по очереди, а во время очередного рекордного подъема атмосферного давления отказал мозг, будто Господь просто нажал на кнопку аварийного отключения всего организма. В тот вечер у всех нас раскалывалась голова - жена Графа лежала на диване, на ее огромном животе примостился тонометр, я сидела у его постели и пыталась хоть немного разогнать неподвижный воздух с помощью прошлогодней пожелтевшей газеты, которую всё почему-то никак не могли выбросить. Ушел он почти незаметно: пару раз хрипло вдохнул, вытянулся на кровати с мгновенно остекленевшими глазами, и спустя пару секунд его грудная клетка навсегда опустилась. В комнате повисла пронзительная тишина - не более десяти секунд, и затем волна всхлипываний и причитаний новоиспеченной вдовы накрыла меня с головой. Плеск воды в граненом стакане, стук чайной ложки о его стенки, острый запах корвалола. Пыхтение механизма тонометра, нагнетавшего воздух в манжету. Гудки в телефонной трубке, которую я из последних сил удерживала плечом. Звонки трамвая под окнами, перестук каблучков, детский смех.

Пришлось пережить пару непростых часов, ожидая полиции и врачей, не спуская глаз с его жены. Домой в тот вечер я добралась гораздо позже обычного, и еще некоторое время провисела на телефоне, общаясь с многочисленными родственниками покойного. Конечно, пришлось везде их сопровождать, и даже пару раз грубовато рявкнуть на нерасторопных сотрудников ЗАГСа да желторотого санитаря морга, чтобы пресечь попытки затянуть процесс. Выяснилось, что красное удостоверение социального работника оказалось неплохим катализатором происходящего. Заодно и надежным фильтром - никто не отважился совсем уж бессовестно навязывать дорогие и ненужные услуги.

После похорон Графа я отвезла вдову домой, затем добралась к себе и проспала почти сутки. Голова болела до тошноты, страшно хотелось пить. За несколько дней круговерти я устала так, что мозг не мог отключиться сразу - глаза не хотели закрываться, но в какой-то момент я всё же крепко уснула. К счастью, никто не пытался будить срочными звонками и бестолковыми сообщениями, посему проснулась я вполне бодрой и отдохнувшей. Я сидела на кровати и пыталась сообразить, что же делать теперь.

Многие месяцы ежедневного распорядка – последовательность действий не подвергалась изменениям ни при каких условиях, а теперь вдруг жизнь вырвалась из-под контроля, и, надо признать, это не слишком приятно. Импровизировать я не умею, увы. Я отлично себя чувствую в четких дисциплинирующих границах и быстро привыкаю к распорядку, но вот крах устоявшейся системы порой здорово выбивает из колеи. Конечно, куратор быстро найдет мне нового подопечного – я довольно неплохая сиделка – но почему-то уже несколько дней меня трясет от необходимости приехать в офис, поговорить с начальством и взять новый адрес и телефоны родственников – все заново и сначала, но правила остаются.

Если откровенно, я не отдыхала уже года полтора и до последнего времени чувствовала себя вполне недурно - можно сказать, полной сил, но тут я в один момент почувствовала страшную усталость и раздражение на всех вокруг, да и на себя тоже. Вот ведь надо было дойти до такого состояния, что сил нет смотреть по сторонам и всюду видеть людей, и слышать их. Выгорание? Переутомление? - кто знает. В любом случае, отчего бы не попробовать поговорить с Ольгой и заодно напомнить о том, что мне положен отпуск?

Все мне нравится в этой работе, кроме ее несколько “изолирующего” свойства - стоит рассказать о ней новым знакомым, и тут же я превращаюсь в странное и непостижимое существо (даже отдаленно не похожее на человека). Впрочем, если люди не видят в этой работе ничего, кроме “выносить судно” и “лечить пролежни” - разве это моя проблема? До сих пор помню то свидание с мужчиной, чье имя из моей памяти, к счастью, изгладилось - точнее, помню наш телефонный разговор после и его фразу: “Я сразу понял, что с тобой что-то не так. Ты сказала, что тебе нравится твоя работа - это ненормально, когда человеку нравится менять грязные подгузники лежачему старикану!” - тогда я еле успела вежливо завершить разговор из-за накатившего приступа смеха - долго не могла успокоиться, моя прабабка говорила в таких случаях “смешинка в рот попала”.

Просторный офис, спрятанный на первом этаже жилого дома в лабиринте узких центральных улиц - шкафы, забитые бумагами и бесконечными рядами тяжелых картонных папок, жужжание принтера, сухой кондиционированный воздух... Ольга сидит у окна, прижав трубку телефона плечом, и что-то торопливо зачеркивает на исписанном со всех сторон клочке бумаги. Я лениво наблюдаю за ней - с такими буквами-муравьями можно уместить здесь чуть ли не “Повесть временных лет”, но тут она решительно заканчивает разговор и машет рукой в сторону крохотной офисной кухни - пойдем, мол, проветримся.

Пока вода в дряхлом электрическом чайнике закипает, Ольга насыпает в разномастные затертые чашки растворимый кофе вперемешку с сахаром, я пытаюсь подобрать хоть какой-нибудь весомый аргумент о срочной необходимости отдыха. Наконец, мы обе делаем первый глоток, и начальница опережает меня и тут же ломает все приготовления к разговору:

– А ты вообще умеешь отдыхать? - безапелляционно спрашивает она. Таким же тоном она говорила со мной во время собеседования, предупреждая о возможных неприятных запахах, запущенных пролежнях, грязи и прочих темных сторонах моей будущей работы. Наверное, она думала, что такая пигалица, как я, не сможет даже повернуть лежащего подопечного на бок. Или меня затошнит при виде неаппетитных физиологических подробностей. Зная некоторых своих коллег, я прекрасно понимала ее опасения.

– Видимо, не очень, - начинаю я, и тут же набираюсь смелости - было бы неплохо научиться, да времени нет.

– Можешь начинать учиться хоть сегодня. Я просмотрела твои документы и не хочу, чтобы служба охраны труда мне штраф влепила за твою непрерывную работу. Отпускные тебе выплатят, и чтоб целый месяц я тебя тут не видела. А то и два. Кыш!

Я не могу не улыбнуться, глядя в свою чашку. Ольга - человек крайне эмоциональный, и потому с ней не всегда просто найти общий язык, но она стоит за нас горой, умело разрешая сложности между семьями и социальными работниками. По ее мнению, самое ужасное в нашей работе - равнодушие, что появляется со временем от усталости и постоянной высокой ответственности, посему старается нас поддерживать. Когда умер мой первый подопечный, она целый час просидела со мной на этой самой кухне, протягивала мне бумажные салфетки и с удивительной для нее мягкостью повторяла, что смерть - это для нас очень больно, но неизбежно, к сожалению. “Мы делаем большое и важное дело, помогаем людям сохранить достоинство до самого конца, но их срок - не в нашей власти.”

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.